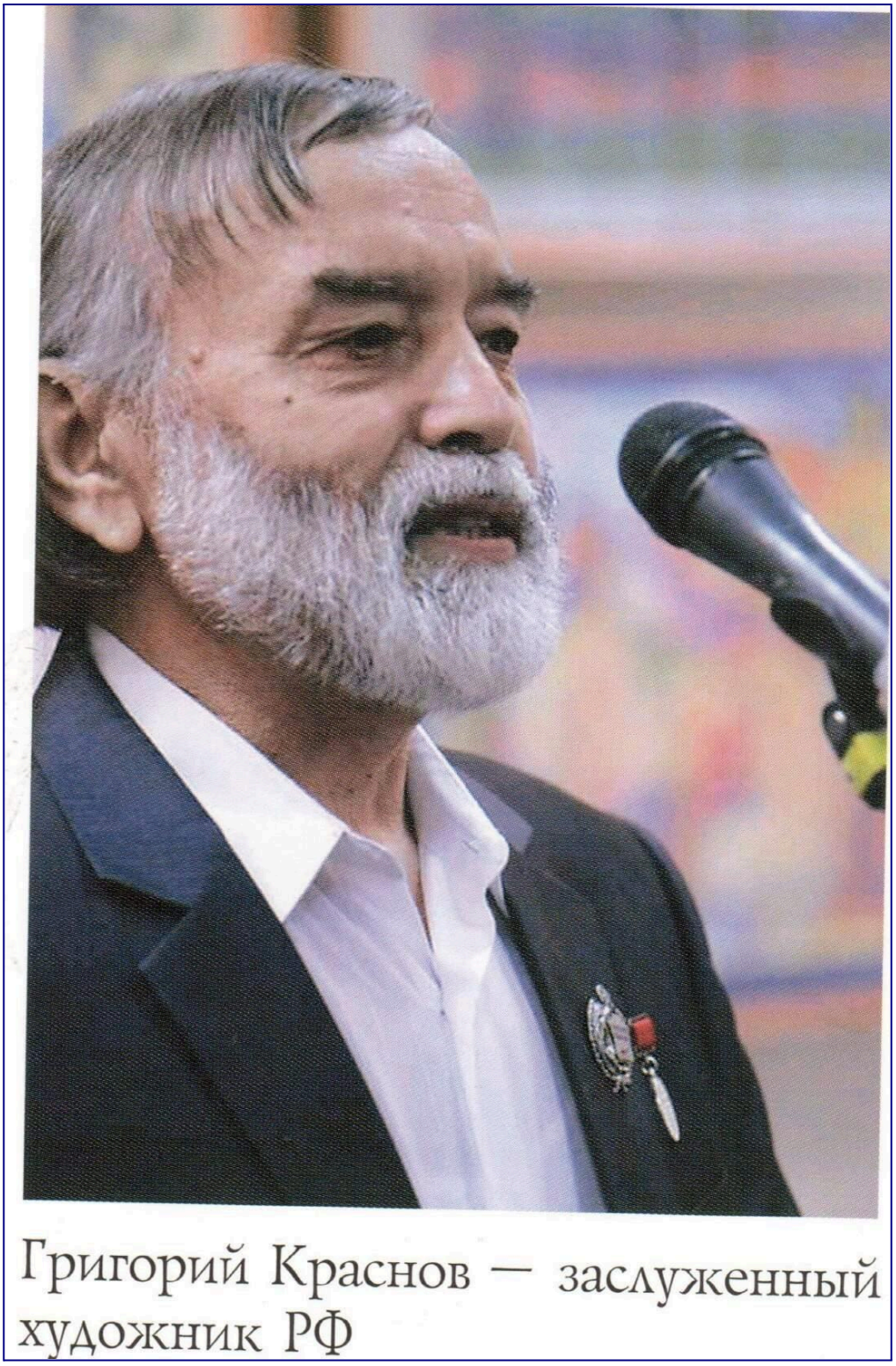
Только художник мог так написать.

Григорий Краснов — заслуженный художник РФ

В преддверии дня рождения заслуженного художника России Григория Степановича Краснова: в конце ноября 2021 года в адрес музея пришла посылка от Громовой Зинаиды Степановны из республики Хакасия г. Черногорск. Как выяснилось, посылка от сестры художника, нашего знаменитого земляка Григория Степановича Краснова, появившегося на свет 3 декабря 1941 года в д. Казанск Ефимовского сельского совета Таборинского района Свердловской области (ушёл из жизни 3 ноября 2020 года г. Абакан). Детство и юность он провёл в родных местах:

в начальной школе учился в родной деревне, затем окончил Чебоксарскую семилетнюю школу, в восьмом классе проходил обучение в Таборинской школе. До призыва в армию работал в родной деревне, в колхозе.

Омск. 1962

«Ещё в школе учился когда, понимал, что из деревни один выход — в армию. Ждал этого времени и знал, что оно станет рубежом в моей жизни — или я состоюсь, найду себя, или...», - вспоминал Григорий Степанович.

Получив эту книгу-альбом, наполненную рисунками (бумага - карандаш), графикой, фотографиями картин, выполненных маслом на холсте..., я искала в ней что-то о нашем Таборинском крае: о природе, о жизни людей... Ничего нет! Нет, нет я

не права: на странице 139 альбома интервью с художником о его детстве. Какая лирика в прозе, с какой теплотой и любовью он рассказал о своём детстве, которое прошло в маленькой деревушке Таборинского края. Вчитайтесь в эти строки: только художник мог так написать. Начнём знакомство с творчеством нашего знаменитого земляка с его прозы и познакомимся с его художественным творчеством:

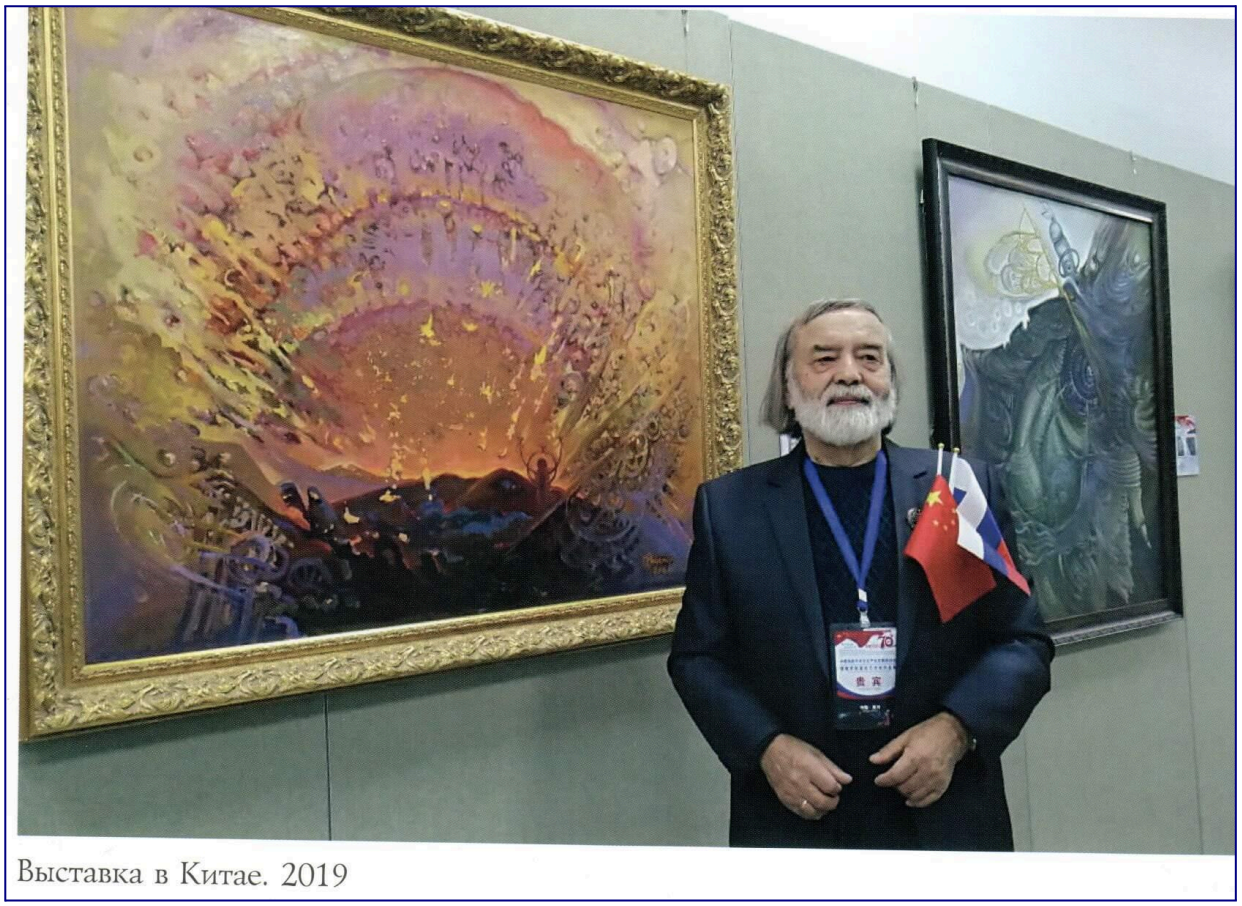
Осень в Саянах. 2013. Холст, масло. 63х86

Натюрморт с рябиной. 2002. Холст, масло. 70х61

Мартовский куржак. 2003. Холст, масло. 80х90

Выставка в Китае. 2019

Того места, где я родился, где прошло моё детство, маленькой уральской деревушки Казанск на 20 дворов, сейчас нет на географических картах. И вообще её нет… Исчезла, растаяла. Не так давно бывшая одноклассница моя (Екатерина Жданович) прислала фотографию родных мест, там ничего не осталось, даже трудно понять, что когда-то здесь жили люди. Осталась только ель, которая росла у нас возле колодца. Колодца тоже нет, а она стоит – могучая, раскидистая, вечнозелёная. Дерево памяти…

Детство? Оно было трудным, я ведь родился в 1941 году. И счастливым – потому что детство… И сейчас оно далеко.

Конечно, многое зависит от того, что вспоминаешь. Было голодно, одёжка одна на всех (нас в семье было 8 детей), но в этом и волшебство этого времени – ребёнок не замечает плохого, вокруг него, какие бы трудные ни были времена, всё равно живёт сказка.

Так ясно видится – я совсем маленький, лето, всё вокруг тёплое от его солнечных лучей, такое марево поднимается от земли, и сначала я слышу… Это красивая, слаженная песня, грустная немного – будто сам воздух поёт. Потом за деревенскими воротами начинают вырастать и колыхаться в ритме этой песни грабли, ворота открываются, и я вижу женщин, возвращающихся с сенокоса. Одна из них - моя мама. Я бегу к ней, а она протягивает мне собранный на лесной полянке букет из земляники… И тогда, и сейчас не пробовал я ничего вкуснее этой лесной ягоды, собранной мамиными руками…

Но дело, конечно же, не в её вкусе. Это такая яркая, незабываемая искра из моего детства, которая всегда остаётся со мной… Кажется, так близко эта сказка детства, и ты должен бы оставаться в ней, но вернуться сейчас туда можно только в воспоминаниях…

Григорий Степанович улыбается, немного грустно, как будто издалека…

- Обувь мы не носили с ранней весны до поздней осени. Сейчас можно сказать, что это «фишка» у нас такая была – на самом же деле трудно жили, всё нужно было беречь. Помню, уже к середине лета подошвы мои становились такими, как, наверное, у слона бывают – он же тоже всегда необутый. В лес на рыбалку, в поле – босиком. И кто бы под ноги смотрел? Коряги острые, камни. Ударишься, собьёшь ногу – смотришь, чтобы не до крови. Поранишься – так и лопухи вокруг растут, подорожник…

Весной, помню, всей ребятнёй ходили в лес за медунками – такие синие цветочки, ранние, красивые. Их очищали и из стеблей и крапивы варили суп.

Семья была верующей – тогда живы были ещё старые крестьянские традиции. И хоть не было в деревне церкви, но бабушки крестили всех детей, а дома соблюдался патриархальный уклад. Когда мы садились за стол (а ели все из одной чашки), отец читал молитву, затем нарезал хлеб и первый начинал трапезу, мы после. Если кто забаловал за столом – такое, конечно, бывало, - то мог схлопотать ложкой по лбу.

И праздники я помню. Почему-то самые яркие в те времена были Пасха, Троица. Сколько с ними связано радостного, - художник берёт в руки карандаш и быстрыми линиями рисует на бумаге качели, карусели, что ставили к этим праздникам для детворы взрослые…

И хоть пытаются представить тогдашний деревенский быт как что-то мрачное, всё было совсем не так. Вся народная культура была сконцентрирована в малых деревнях, ещё пытающихся жить традиционным укладом, и это давало такую мощную, крепкую основу для будущего развития. Тем, конечно, кто этого хотел.

Свадьбы проходили традиционные, с соблюдением всех обрядов – это было зрелищно, интересно. Вечёрки помню, то, что, наверное, сейчас называют дискотеками, тогда называлось так. Девочки шли по деревне нарядные, пели песни, за ними парни. Собираются за деревней, жгут костёр, поют, танцуют. Балалайка, гармонь… Да, я помню это, разве ж такое забудешь?

Школу помню. Деревянные парты с откидывающимися крышками, фарфоровые чернильницы – непроливайки. Перед началом занятий весь класс поднимался и вместе с учителем мы исполняли гимн того времени: «Сталин – наша слава боевая, Сталин – наша юность и полёт…» Тогда нас учили каллиграфии ещё, и умению владеть пером (я ведь начинал с графических работ) сослужило мне хорошую службу. И сегодня я храню хорошие перья для рисования…

Когда я начал рисовать? В школе же. Все учебники мои к концу года были разрисованы от корки до корки – не мог удержаться, всё хотелось усовершенствовать. Я не думал тогда, что стану когда-нибудь художником. И не было в крестьянской родне моей художников. Мастера были. Дед Данила по отцовской линии всё умел – и валенки катал, и бочки делал, и телеги: то, что необходимо в крестьянском быту, всегда выходило из-под его рук правильным, нарядным. Раскулачили деда в коллективизацию – хотя какой он кулак? Пять коров и трёх коней со двора свели да шерстобитную машину забрали. Хорошо хоть, что не сослали из родных мест.

Вообще, у нас была крепкая крестьянская семья, в которой каждый человек ценился прежде всего как работник. Не покладая рук трудились мои родители, Степан Данилович и Ирина Михайловна, вся наша родня. И политика тогда была такой, что деревни после войны стали, по сути, закрытым пространством по типу чуть ли не концентрационных лагерей. Не было паспортов, электричества, из

колхозов запрещали уезжать… Это тоже было. И тут вдруг я заявляю, что хочу быть художником!.. Нет, даже мысли такой не было.

Я просто рисовал… Но замечал многое. Учитель в нашей школе сам к новому учебному году готовил наглядный материал, плакаты разные, пособия. И ремонт из своих средств возможный делал в учебном классе. Неровности или грязные пятнышки на обоях закрашивал, рисовал на их месте цветы или облака, фигурки какие-то. А мне так это интересно было – как, оказывается, преображается мир, когда на него светлым взглядом смотреть. Для кого-то пятно – кому-то цветок.

В пятом классе когда учился, брат мамы в городе купил настоящие масляные краски, он пробовал пейзажи копировать, рисовать. Тогда я впервые этот запах почувствовал - настоящей живописи. Сидел и, кажется, надышаться не мог, так меня захватило.

На самом деле внутренняя тяга к рисованию была большая. Только где учиться? Обычное образование получить и то представляло сложность, а уж художественное – вообще баловство. Так что я просто рисовал, потому-что по-другому никак. Помню, кузнец у нас был из ссыльных, интересный такой типаж, лицо сильное, худощавое. Я его нарисовал – набросок карандашный сделал. Хвалили деревенские меня за этот рисунок, говорили, уловил я сходство.

Когда акварельные краски уже стали не в такую диковинку, я начал рисовать ими, делал копии пейзажей. Но ни одного рисунка из того времени не сохранилось, а как бы мне хотелось увидеть то, что я рисовал в детстве! Но… Деревня наша стояла вдалеке от дороги, от моста, изолирована была, и народ потихоньку начал перебираться поближе, в более развитые районы. Народу было немного, и в семидесятых она оказалась полностью заброшена и быстро разрушалась. Году в 1964 – 1965, уже отслужив в армии, я приехал туда. Ходил по зарастающим травой улицам, смотрел на разрушающиеся дома. Наш дом – тот, в котором я вырос, где детство моё прошло, ещё стоял – многое было разобрано и вывезено, не было пола уже. Ходил по балкам, что прежде поддерживали половицы, вспоминал, где были полати, на которых мы спали, где что стояло, - и вдруг увидел, что из-под подоконника торчит какой -то листок. Я вытащил его. Это был мой рисунок…

Помню, я увидел его и заплакал. Так мало осталось памятных знаков из моего детства – все уходили… И, глядя на забытый рисунок свой, я тогда прощался с родными местами, с домом, где вырос и был счастлив, потому что был ребёнком… Я прощался с детством.

Материал к публикации подготовила и опубликовала методист музея Татьяна Козлова. Набор текста интервью из книги-альбома "Солнечное послание. Григорий Краснов". осуществила методист музея Людмила Абраменко.